

Л. Сказкин

«Ночь, улица, фонарь, аптека...»

Своеобразной вершиной творчества Блока стало философское размышление Блока о жизни в стихотворении «Ночь, улица, фонарь, аптека...» (1912). Сам поэт замечал:

«Тот, кто поймет, что смысл человеческой жизни в беспокойстве и тревоге, уже перестанет быть обывателем».

В другой дневниковой записи он отмечал следующее:

«Все стало грязью. Остался один порыв. Только полет и порыв; лети и рвись, иначе — на всех путях гибель. Движение заразительно».

Следуя его замечаниям, можно утверждать, что это стихотворение — модель «цивилизации» в блоковском смысле слова. Мысль стихотворения материализуется во всех его аспектах, начиная с построения.

Первая строфа о бессмыслице жизни («Живи еще хоть четверть века») расширяется до степени метафизического обобщения второй строфой-гиперболой — о бессмыслице смерти: «Умрешь — начнешь опять сначала». Так отчетливо выражена изумительно найденная Блоком сквозная форма смысловой композиции. Стихотворение как будто разлиновано на равные доли условной символической линейкой. Так Блок говорит о повторяемости воссоздания мира, о наполняющей его и составляющей его суть страшной, беспредельной и запредельной скуке.

Интересна мелодия стихотворения — она выражена в неподвижности мысли автора. Эта неподвижность в стихотворении — «сухая», «мертвая». Бескрасочная, графически вычерченная, безутешная и безнадежная неподвижность, как застывшая и окаменевшая боль. П. Громов удачно отметил полную безличность нарисованной здесь картины, отразившей «ужасающую прозаичность страшного мира».

Но инверсия в последнем стихе, возникающая от сравнения его с первым стихом, как бы намекает на то, что изменения возможны. Вместе с тем она внушает читателю догадку об их мнимости: суть угрюмых символов ночного города не изменяется от их перестановки: «Ночь, улица, фонарь, аптека» или «Аптека, улица, фонарь» — все едино.

И этот вывод поэтически доказан в стихотворении. Мрачные ореолы слов-предметов первой его строки еще не успевают сгуститься, до конца наполниться смыслом и поддерживаются только сутью самих перечисленных предметов и их литературной предысторией в лирике Блока (фонарь у Блока — «одинокий», 1904; аптека всегда заставляет вспомнить о смерти и болезни). Но, возобновляясь в конце стихотворения и усиливаясь новым образованием такого же предметного характера («ледяная рябь канала»), эти слова-вещи становятся теперь уже иными — вобравшими в себя темную поэзию предыдущих лирических признаний. Теперь эти слова — не только пролог, исходный рубеж стихотворения, но и «вещественное доказательство мысли автора, обоснование выражающей ее картины, в которой «фонарь» является лишь призрачным контрастом окружающей ночи, образом, нужным для того, чтобы ее мертвая суть стала еще наглядней.

Стихотворение это — о повторяющемся, прозаическом мире, и вместе с тем оно — высоко поэтично. Поэтичность его — в переводе малых, почти бытовых измерений в огромные, космические и в той мощи, которая овладевает хаосом. Это изображение движения по кругу, повторяемости и неизменности жизни. Тема «вечного возвращения» жизни и смерти.